

желательным, чем соответствовал действительности, что и доказал начальный период войны. Отсюда вывод: рациональность, на основе которой в Вене и Берлине принимали решение о войне, в сознании политических и военных лидеров была подменена прямолинейной логикой и упрощенной оценкой параметров политического пространства с пренебрежением нежелательных его изменений, вполне возможных в перспективе. На рациональность политических лидеров существенно влиял психологический фактор (великодержавные амбиции), а также давление со стороны военных кругов (начальников генштабов и военных министров). Если бы в Вене и Берлине не воспринимали мобилизацию в России как *casus foederis*, возможно, что предложения английской дипломатии по урегулированию австро-сербского конфликта нашли бы благодатную почву и войну на Балканах удалось бы локализовать [7, с. 31].

В итоге следует отметить, что политические лидеры в процессе принятия внешнеполитических решений руководствуются своей рациональностью, на которую непосредственно воздействуют их окружение (субъективное влияние) и политическое пространство (объективное влияние). Реакция политического лидера на влияние окружения и на возможности и ограничения пространства аккумулируется в решении. А характер реакции дает ответ на вопрос о сути “личностного фактора”.

1. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 / Н. Н. Яковлев. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 240 с.
2. Anievas A. 1914 in world historical perspective: The ‘uneven’ and ‘combined’ origins of World War I // European Journal of International Relations. – 2011. – N 19(4). – P. 721–746.
3. Bridge F. R. 1914: The Coming of the First World War / F. R. Bridge. – The Historical Association General Series 10; 2ed. – London: The Chameleon Press, Ltd., 1988. – 36 p.
4. Gray C. S. War, Peace and International Relations: An Introduction to Strategic History / C. S. Gray. – London; N. Y.: Routledge, 2007. – 306 p.
5. Joll J. The Origins of the First World War / J. Joll. – London: Longman Inc., 1984. – 288 p.
6. Luigi A. The Origins of the War of 1914 / A. Luigi, ed. by I. M. Massey: 3 vols. – Vol. 2. – London: Oxford University Press, 1953. – 727 p.
7. Luigi A. The Origins of the War of 1914 / A. Luigi, ed. by I. M. Massey: 3 vols. – Vol. 3. – London: Oxford University Press, 1957. – 772 p.
8. Schmitt B. E. The Origins of the First World War / B. E. Schmitt. – The Historical Association General Series 39. – London: Routledge and Kegan Paul, 1958. – 26 p.
9. The Coming of the First World War / Ed by R. J. W. Evans, H. P. Strandmann, von. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 189 p.
10. Williamson S. R., jr. Austria-Hungary and the Origins of the First World War / S. R. Williamson, jr. – London: Macmillan Education Ltd., 1991. – 272 p.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА (1914–1918 гг.): ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, КОАЛИЦИИ И ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1916 ГОДА

В.Г. Циватый

Первая мировая война (1914–1918 гг.) – впоследствии получившая на Западе название «Великой войны» – по своим непосредственным и отложенным результатам, по глубине воздействия на политико-институциональное развитие современного общества едва ли уступает (если не превосходит) любому иному эпохальному событию в XX веке. Особенно это актуально в контексте исследования международной внешнеполитической проблематики и исследования политико-дипломатических систем и институций, накануне и в годы Великой войны (1914–1918). Отчасти это обстоятельство объясняется открытием новых пластов архивных материалов и вовлечением новых источников (частные коллекции, фонды спецслужб и т.д.), а отчасти также жизненной потребностью переосмысления опыта прошлого в свете нерешённых институциональных задач настоящего [1; 2].

Главным институтом дипломатии и основным звеном политико-дипломатической системы России было её внешнеполитическое ведомство. Анализ его деятельности по годам, в частности – 1916 года, способствует более глубокому пониманию тех институциональных и политико-дипломатических процессов, которые происходили в этот период. В 1915 году был поставлен вопрос о необходимости его дальнейшего институционального развития – создание экономического, консульского и правового департаментов, что и было осуществлено до начала следующего года. Однако, новый министр иностранных дел Б.В. Штюрмер (с июля 1916 года) и сменивший его на этом посту в ноябре 1916 года Н.Н.Покровский не посчитали эту задачу приоритетной, поэтому не внесли каких-либо существенных институциональных изменений в функционирование МИДа [7; 8].

Политико-дипломатические институты – это инструмент совместного решения международных проблем, которые касаются интересов нескольких государств или групп их граждан. Международные организации появились из практики работы международных конференций – формы международного сотрудничества, которое имеет древние традиции и исторически обусловленные институциональные основы. Война 1914–1918 годов в межгосударственных отношениях имела в своей основе такой институт как *коалиция*. Этот её особый институциональный характер – коалиционный – предопределял успех её ведения, и прежде всего – этот успех зависел от согласованных действий союзников и дипломатических институтов европейских государств и России. И хотя такой характер институционального единства в условиях Первой мировой войны, в частности в 1916 году, был очевидным для руководства вооружённых сил всех государств – потенциальных противников, ни одно из них не имело сколько-нибудь значимых теоретических разработок основ коалиционной стратегии. Противоречия между союзниками, каждый из которых преследовал в войне свои цели и старался достичь их за счёт других, зачастую приводили к тому, что основные усилия (прежде всего, Антанты) сосредоточивались не там, где они могли бы привести к наилучшим результатам в борьбе с общим врагом, а там, где это было выгодно наиболее влиятельным участникам коалиции [4; 9].

Осознав пагубность разобщённых действий, руководство стран Антанты делало немало, чтобы выработать стратегию на новых институциональных основах – общесоюзническую стратегию с новыми институциональными связями. В 1914–1915 гг. единых планов ведения операций на всех театрах не составлялось и согласованности в действиях армий не было. В 1916 году, на межсоюзнических конференциях – как новой форме международной институции – такие планы удавалось принимать, но на практике они осуществлялись далеко не полностью [4; 5; 6].

Стратегические цели в большинстве операций и кампаний Первой мировой войны оставались институционально незавершёнными – поставленные цели не достигались. «Стратегия сокрушения», с которой вступили в войну обе враждующие коалиции, сменилась «стратегией измора», посредством которой Антанта в конце концов вынудила капитулировать государства Тройственного союза. Характерным явлением стал тот факт, что, наверное, впервые ведущий континентальный гигант – Россия – встал на сторону западноевропейских «держав моря» против своих традиционных союзников, сформировав таким образом новое институциональное объединение военного характера.

Традиционные институциональные связи по оси координат Россия – Германия трансформировались в противоположность. Российская империя оказалась в союзе с буржуазными странами Запада, Великобританией и Францией, которые противостояли европейским монархиям в лице Германской и Австро-Венгерской империй [3; 10].

Следуя словам известного американского дипломата Дж. Кеннана можно констатировать: «... всё, что произошло в мире в XX веке, было вызвано Первой мировой войной...» [5].

В 1915-1916 гг. решающих побед не получила ни одна из коалиций. Однако время и дипломаты – бойцы невидимого фронта – работали на страны Антанты, которые имели

более мощный промышленный потенциал и большие людские ресурсы. Они наладили большое военное производство и наращивали стратегическое преимущество. Концентрация немецких войск на Восточном фронте открывала союзникам на западе возможность для передышки и перегруппировки сил для осуществления решающего удара, а также дипломатической балансировки и поддержки [9, с. 100–110; 10, р. 560–561].

Первая мировая война – это пролог XX века. Война стала водоразделом между двумя историческими эпохами, повлияла на судьбы послевоенной Европы, а мир 1916 года уже качественно и институционально отличался от своего послевоенного политико-дипломатического и внешнеполитического аналога. Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств не утратил своей актуальности и сегодня. Изменяющийся мир (общество, государство, личность), несомненно, влияет и на изменение политико-дипломатической системы государства и дипломатического социума.

Таким образом, событийная и фактологическая картина Великой войны в 1916 году институционализировали процессы в новую форму и методы дипломатии исследуемого периода, а именно – особенностью дипломатического инструментария становится многосторонняя дипломатия, в частности – конференционная дипломатия. На межсоюзнических конференциях – как новой форме международных институций – принимались коалиционные стратегические планы. Были заложены основы к новому теоретическому осмыслению вопросов коалиционной стратегии и тактики наступательного и оборонительного боя.

Великая война 1914–1918 годов в межгосударственных и дипломатических отношениях имела в своей основе такой институт как коалиция. Этот её особый институциональный характер – коалиционный – предопределял успех её ведения, и прежде всего – этот успех зависел от согласованных действий союзников.

И хотя такой характер институционального единства в условиях Первой мировой войны был очевидным для руководства вооружённых сил всех государств – потенциальных противников, ни одно из них не имело сколько-нибудь значимых теоретических разработок основ коалиционной стратегии.

Противоречия между союзниками, каждый из которых преследовал в войне свои цели и старался достичь их за счёт других, зачастую приводили к тому, что основные усилия (прежде всего, Антанты) сосредоточивались не там, где они могли бы привести к наилучшим результатам в борьбе с общим врагом, а там, где это было выгодно наиболее влиятельным участникам коалиции.

Стратегические цели в большинстве операций и кампаний Первой мировой войны оставались институционально незавершёнными – поставленные цели не достигались. «Стратегия сокрушения», с которой вступили в войну обе враждующие коалиции, сменилась «стратегией измора», посредством которой Антанта в конце концов вынудила капитулировать государства Тройственного союза.

Характерным явлением начала XX века стал тот факт, что, наверное, впервые ведущий континентальный гигант – Россия – встал на сторону западноевропейских «держав моря» против своих традиционных союзников, сформировав таким образом новое институциональное объединение военного характера.

Традиционные институциональные связи по оси координат Россия – Германия трансформировались в противоположность. Российская империя оказалась в союзе с буржуазными странами Запада, Великобританией и Францией, которые противостояли европейским монархиям в лице Германской и Австро-Венгерской империй.

Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств не утратил своей актуальности и сегодня. Современная дипломатия в условиях глобального пространства, активно использует приобретённый в течение многих веков исторический опыт: как инструментарий, методы и формы дипломатии, так и принципы

внешней политики. На современном этапе главной задачей для внешнеполитических служб мира является обеспечение устойчивого экономического развития и внутривнутриполитической стабильности своих государств в дипломатических системах и политико-институциональных координатах современного мира.

Военно-политические и политико-дипломатические институциональные изменения в период Великой войны в 1916 году актуализировали процессы революционизации многих стран Европы и Азии. Мир 1916–1917 годов уже стоял на пороге нового внешнеполитического, и дипломатического противоборства двух совершенно новых институциональных систем – социализма и капитализма.

1. Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / сборник статей; ред. К. Бруиш, Н. Катцер. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 208 с.
2. Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. У двох книгах. Книга 1. Історичні нариси / упорядник Олександр Реєнт. – К.: ТОВ «Видавництво «КЛЮ»», 2014. – 784 с.
3. Новикова И.Н. Нейтралитет или союз: внутривнутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны / И.Н. Новикова // Науковий вісник Дипломатичної академії України. – К.: ДАУ при МЗС України, 2014. – Ч. I. – Серія «Історичні науки». – С. 176–192.
4. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 816 с.
5. Перша світова війна 1914–1918 рр. і Україна. Українські землі у центрі цивілізаційної кризи / Упорядник О.П. Реєнт. – К.: ТОВ «Видавництво «КЛЮ»», 2015. – 64 с.
6. Перша світова війна у фокусі історії (дипломатичні та політичні колізії Великої війни): монографія. – Київ: Кондор-Видавництво, 2016. – 352с.
7. Собрание Узаконений и распоряжений правительства. Отдел первый. – 1914. – № 154. – Ст. 1737.
8. Собрание Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1917. – № 1. – Ст.1.
9. Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны / А.И. Сыч // Вопросы истории. – 2001. – № 11–12. – С. 100–110.
10. Chossudovsky E.M. Genoa Revisited: Russia and Coexistence / E.M. Chossudovsky // Foreign Affairs. – 1972. – April. – P. 557–562.

ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.В. Боголейша

Важным событием, которое повлияло на развитие белорусского национального движения, стала Первая мировая война. На оккупированной германскими войсками территории Беларуси уже с конца 1915 г. в качестве носителя белорусской идеи действовал Белорусский Народный Комитет (БНК) – координационный орган политических, общественных и профессиональных организаций во главе с А. Луцкевичем [3, л. 19]. Именно здесь и возникли проекты возрождения белорусской государственности в форме Конфедерации ВКЛ, а потом “Соединенных Штатов от Балтийского до Черного морей”. Эти проекты рассматривались белорусскими национальными деятелями как попытка создать самостоятельное государство, выйти на международную арену и заявить о себе как о нации, которая имеет право на свое собственное развитие, собственную государственность и культуру. Реализация такого плана была направлена на урегулирование с литовцами спорных территориальных вопросов и дальнейшее развитие взаимоотношений между двумя соседними народами.

Во многом при реализации своих планов белорусы рассчитывали на помощь германских властей, которые, вступив на территорию Российской империи, стремились максимально использовать национальные движения для ослабления своего противника и усиления оккупационного режима. Однако немецкие оккупационные власти не имели намерения разрешать белорусам образовывать свои государственные органы. Они скептически относились к возможностям белорусского национального движения. Германия рассматривала Беларусь как часть единой и неделимой Российской империи. Поэтому все апелляции лидеров белорусского